

Рубрика - 2002 -
22.08.02 авт. - С.Ч
Дом

С мезонином

Евгений Гришковец.

“Город”.

М., “Проспект”, 2001

Все последнее десятилетие чья-то литературной критики – по крайней мере самой совестливой и социально озабоченной ее части – сводились к тому, что вот явится откуда-нибудь из Сибири кто-нибудь могучий и простодушный и перевернет все с головы на ноги. “Каким же грандиозным самомением надо обладать, чтобы написать: “Иван Петрович встал со скрипучего стула и подошел к распахнутому окну”. Чтобы не испытывать стыда за плагиат, надо заставить себя забыть обо всех предшествующих и последующих Иван Петровичах, скрипучих стульях и распахнутых окнах. Нужно твердо, до фанатизма, верить в свою власть над миром, чтобы думать, будто ты описываешь жизнь такой, какая она есть. Впрочем, лучшие русские писатели как раз и обладали такой неслыханной дерзостью – в каком-то смысле они были дикарями” (Александр Генис, “Иван Петрович умер”). Еще одно чаяное русской критики последние десятилетия – пресловутая новая искренность. Дескать, вчуже понятно, что жизнь интереснее литературы; хотя за хорошую литературу все-таки гораздо интереснее писать, чем за плохую жизнь. Но когда окончательно исчерпает себя литература о литературе и кино про кино, явится кто-нибудь могучий и простодушный, желательный из Сибири, и покроет незлым тихим словом всю эту бесконечно умножающуюся в противоположенных зеркалах рефлексию. И одно это слово весь мир перетянет.

Евгений Гришковец явился из Сибири. Правда, дикаря он мало напоминал – все-таки театральный деятель с европейским опытом, до начала регулярных занятий драматургией успевший в качестве режиссера объехать всю Европу и прихватить немножко Азии... Зато новой искренности в его текстах оказалось хоть отбавляй – пусть не вполне простодушной и несколько не напористой, но замечательно эксплуатирующей простые и внятные вещи: школьные годы, дембельские альбомы, пейзажи из окна вагона, катящегося через всю огромную страну. Некоторое лукавое простодушие здесь если и проявляется, то в остранениях почти толстовских: “Мы ехали... и вот интересно, можно ехать хоть куда, на восток, на юг, на север, и все время один и тот же пейзаж, в смысле, он меняется, конечно, но остается ощущение, что он один и тот же: это не очень густо растущие березы, такие равномерно расставленные белоочерные деревья, везде... Ну, в общем, тот пейзаж, глядя на который русский человек обязан сказать: “Боже... какая красота!” Выглядит это так: русский человек проснулся, выходит из еще спящего купе в коридор

вагона, у него вот так висит на плече полотенце, в руке зубная щетка с уже надавленной на нее пастой, он слегка ослеплен утренним светом (в купе было темновато), останавливается у окна, вот так, держась за поручень. В коридоре стук поезда сильнее. Кто-то цедит воду из титана. Поезд: тудук-тук-тук, тудук-тук-тук. Проснувшийся: “Вооо, а где мы едем-то?” Человек с кипятком в чашке, сосредоточенно качаясь, медленно идет и от этого качается еще сильнее, говорит: “Да кто бы знал...” Проснувшийся: “Да?! Ну все равно, какая красота!.. “Тудук-тук-тук, тудук-тук-тук...” (“Как я съел собаку”). Излюбленный и безотказно работающий прием – пересказать какую-нибудь заведомо всем знакомую ситуацию заново, дотошно и с трогательными деталями, после чего каждый русский человек обязан сказать: “Как это верно!” Вместо сложной системы зеркал – одно большое зеркало. Одно на всех – каждый каким-то боком в нем когда-нибудь да отражался.

Явление сопровождалось триумфальной канонадой многочисленных премий. Впрочем, преимущественно театральные: “Антибукера” за драматургию Гришковца присудили в некотором роде авансом, потому что тексты пьес его еще не были толком опубликованы.

Наконец явилась полноценная книжка. В нее вошли два монолога, лежащих в основе одноименных мюзикспектаклей – “Как я съел собаку” и “Одновременно”. А также “Диалоги к пьесе “Записки русского путешественника” – для дуэта и “полноценная” пьеса “Город” – аж для пяти персонажей. И “пограничная” “Зима”, преимущественно диалогическая, но осложненная в финале третьей героиней и символической фабулой...

Зазор между гришковцевской драматургией и его же спектаклями особенно заметен в монодрамах, где посторонние отвлекающие факторы сведены к минимуму. Здесь особенно заметно, насколько проигрывает его уникальная интонация на письме – хотя тексты сами по себе не без достоинств...

Диалоги Гришковца, впрочем, посвящены преимущественно психологическим нюансам и извивам – но это рефлексия вокруг опять-таки всем известных вещей. Таких, как Сочи в детстве, “Прощание славянки” или первая утренняя сигарета. (До сих пор только Чехов, кажется, брался на пари написать к завтрашнему дню рассказ “вот об этой пеленьнице”). Причем персонажи разговаривают в унисон. Главная движущая сила здесь не конфликт, а контрапункт.

“Многофигурные” пьесы Гришковца выглядят гораздо слабее. “Зима”, впрочем, в конце концов вырождается в очаровательную притчу. Финал “Города” должен был вытянуть, вывести в иное пространство фирменный гришковцевский диалог героя с таксистом “ни о чем” – но он выглядит водруженным на соразмерное здание необязательным мезонином. Так в родном городе Гришковца – Кермове – на здании мэрии 50-х годов

с колоннами ионического ордера в 90-е водрузили кокетливую шестигранную башенку с дорическими колонками... В целом “Город” – неудача, причем не относительная, а абсолютная. Интонация выхолащивается, лишена какой-то посторонней надтреснутой ноты. Показательно, что после “Города” Гришковец (в “Дредноутах”, которые в книжку не вошли) вернулся к теме и интонации своей самой первой пьесы – “Как я съел собаку”. К военно-морским доблестям, открытым кингстонам, мужчинам без женщин. К тем вещам, которые особенно выпукло ощущаются на фоне нормы, жизни в мезонине.

Еще раз о русских пейзажах. Между прочим, Константин Паустовский задолго до того, как сделался записным певцом среднерусской возвышенности, сказал: “Леса в СССР односторонне: береза, ель, сосна, береза, ель, сосна, и так до бесчувствия”. Тогда будущий мэтр писал сочинения откровенно романтические, а осенние сумерки Чехова, Чайковского и Левитана дались ему позже. В пьесах Гришковца подступно чувствуется это тяготение к онтологическим основам быта. В “Городе” эта органическая жизнь, взятая в лоб, фронтально, получилась неубедительной. Реанимация Ивана Петровича не удалась. Впрочем, в таких случаях принято благодарить автора за величие замысла...

В целом драматургия Евгения Гришковца – исполнение желаний русской критики всего последнего десятилетия. А что состоялось оно не на поле лирики или романа – это очень тривиальный случай. Примерно такие же явления подразумевали формалисты, когда твердили, что исследование в литературе осуществляется не от отца к сыну, а от дяди к племяннику. Шла словесность в комнату, попала в другую. Попала или хотела попасть?